

Св. Марка Ефесскаго „О воскресеніи“

67 (г)*)

Ученіе о воскресеніи никакъ не почиталось у Эллиновъ достойнымъ обсуждения. Да и какъ было бы оно возможно, когда большинство изъ нихъ полагало, что душа не продолжаетъ существовать послѣ разлученія съ тѣломъ. Евреи же недалеко были отъ этого вѣрованія. Ибо нѣкоторые изъ нихъ, т. н. фарисеи превозносились передъ многими (другими) какъ разъ тѣмъ, что ожидали воскресенія. Но чаянія ихъ не были ни правильными, ни искренними. Намъ же, по Христу именуемъ, Самъ Господь нашъ и Богъ Исусъ Христосъ жившій этой жизнью и ставшій какъ мы, Своими словами, дѣйствіями и бытіемъ (scil, тѣмъ, что Онъ говорилъ и творилъ) создалъ твердую увѣренность въ томъ, что воскреснутъ наши тѣла послѣ видимаго сего распада и тлѣнія. Во-первыхъ, Онъ — Самъ или черезъ посредство бывшихъ съ Нимъ, воскресилъ многихъ другихъ, нѣкоторыхъ даже уже истлѣвшихъ, хотя всѣ они подчинились затѣмъ необходимости, въ ожиданіи общаго возрожденія; а во-вторыхъ, Самъ Онъ сталъ перворожденнымъ изъ мертвыхъ, какъ единый воскресшій нетлѣннымъ и не боящійся больше смерти. Это же наступитъ когда-нибудь и для нашихъ

67 (v.)

тѣлъ, когда мы ихъ воспримемъ по Его благодати. «Ибо вѣрующаго въ Меня, — говоритъ Онъ, — Я воскрешу въ послѣдній день» (Іо. VI, 40, 54). Будь эта простая и безхитростная вѣра въ смыслѣ догмата достаточной для большинства, мы не нуждались бы въ его доказываніи, такъ какъ совершенное безуміе — исповѣдывать Христа воскресшимъ изъ мертвыхъ, а для себя считать это несомнѣнное доказательство несостоятельнымъ. Но такъ какъ есть такіе, которые, слѣдуя противорѣчивымъ разсужденіямъ, говорятъ, что невозможно и даже не благочестиво и ужъ во всякомъ случаѣ совершенно ненужно, чтобы это сгнившее и разложившееся тѣло было снова призвано къ жизни, то попытаемся и мы, исходя насколько возможно изъ разсужденій, встать на защиту вышеизложеннаго. Ибо было бы вопіющимъ безуміемъ, если бы они, на основаніи собственныхъ утвержденій и чувственнаго позна-

*) Эти цифры отсылаютъ къ страницамъ рукописи Парижской Национальной бібліотеки. Cod. gr. 1292.

ня, попытались ниспровергнуть то, что разумно. Мы же, съ своей стороны, постыдились бы заключать противоразумный союзъ съ увѣровавшими и намѣреваемся то, что будетъ сказано, основывать на самомъ написанномъ. Итакъ, вотъ что предстоитъ намъ теперь: — для признающихъ бесполезность тѣлъ было бы полезно высказать слѣдующія о Богѣ сужденія.

Всѣми признается то общее положеніе, что Богъ несложенъ естествомъ и превышаетъ всякое сочетаніе настолько, что нами сравнивается съ несложностью. Но если мы ее такъ себѣ представимъ, то мы можемъ непосредственно заключить и о самой сложности. Итакъ, съ од-

68 (г.)

ной стороны, есть совершенная простота — Богъ — блаженная сущность. А то, что ютъ Него произошло, по причинѣ отпаденія подвержено сложности, такъ какъ ему недостаетъ простоты. И для сего — умаленіе простоты есть избытокъ нѣкоего вещества, которое, существуя въ собственномъ видѣ, — въ насъ самихъ и въ существахъ ниже насъ, бездушныхъ и безсловесныхъ, называется тѣломъ, а у ангеловъ, которые по существу безплотны и безплотными называются, хотя тѣла нѣтъ, но различіе все же вещественно и оно въ нихъ созерцается; согласно съ этимъ, по простому представленію, мы различаемъ у нихъ подлежащее (субстратъ) и, соотвѣтственно сказуемому, его видъ. Иными словами, мы думаемъ, что субстратъ и видъ присущи блаженству ихъ сущности, почему они и описуемы и одновременно занимаютъ разныя мѣста, — «и посылаются въ служеніе», говоритъ великій Павелъ. Ибо одинъ только Богъ совершенно несложенъ и невеществененъ и въ Немъ вообще немислимы ни сложеніе, ни различіе. Это и многіе другіе святыя свидѣтельствуютъ (какъ, напримѣръ, богословъ изъ Дамаска въ своихъ «Богословскихъ главахъ» ¹⁾). А мы сами, будучи на грани мысленной и чувственной твари, обладаемъ сущностью, составленной изъ

68 (в.)

души и тѣла. И когда она раздѣляется въ смертномъ распадѣ, ей неизбежно снова соединиться и разлученному придти воедино для полноты цѣлаго, чтобы то соотвѣтствіе, о которомъ мы говорили, пребыло во вѣки. Съ одной стороны, Богъ мыслится по природѣ совершенно простымъ; съ другой же, и тѣ, кто непосредственно около Него, т. е., ангелы — для насъ — просты и невещественны, ибо они не подлежатъ распаду, которому подлежимъ мы, но неизмѣнно пребываютъ въ своей сущности. Но и они обладаютъ неизмѣняемостью по произволению (τὸ κατὰ ὑπόμην), пріявъ ее, какъ нѣкоторымъ кажется, послѣ паденія того, кто сначала былъ Деницей, тогда какъ для Бога они не сохранили никакой несложности, ни, тѣмъ болѣе, ужъ, невещественности. А мы остаемся такими, какими мы были созданы — душою и тѣломъ, такъ какъ необходимо всему тварному быть составленнымъ. Каковъ же, тогда, — скажи мнѣ — смыслъ (логосъ) существованія ангеловъ? Я же говорю, что все небесное устройство остается такимъ, какимъ оно было. Ни въ коемъ случаѣ не уничтоженіемъ сущности все тварное стало и сложнымъ. А если у распавшихся души больше не соприкасаются съ соотвѣтственными тѣлами, то тѣ, кто изначально сложны, затѣмъ ока-

зываются проще ангеловъ. Ибо мнѣ кажется, что само созданіе тѣла (совершенно) Богомъ до души. Но можетъ быть существуетъ и нѣкій
69 (г.)

другой смыслъ, болѣе неизреченный и глубокий, вѣдомый лишь тѣмъ немногимъ, которымъ дано было испытать глубины Духа; что и можетъ послужить къ чести тѣла, чтобы не подумали, что при разлученіи тѣла отъ души оно окончательно разлагается, получая меньшій удѣлъ и возвращается въ небытіе. И что это такъ, свидѣтельствуетъ Писаніе, говоря: «и слѣпилъ Богъ» того-же самаго (человѣка), а о душѣ: «сотворилъ Богъ» того-же самаго¹). Видишь-ли, что съ одинаковой честью обращается Онъ и къ тому и къ другому; слѣпляемый онъ же и творимый, потому что не одна только душа, и не одно тѣло, но оба они удостоиваются наименованія его (т. е. человѣка). Когда же это чело-
вѣкъ, я говорю о чело-вѣкѣ изъ души и тѣла, созданный изначально для безсмертія, за преступленіе наказанный смертію, и снова восстановленный благодатью въ первое достоинство, потеряетъ то, съ чѣмъ онъ призванъ былъ къ безсмертію, онъ такимъ образомъ не будетъ самъ собой, т. е. такимъ, какимъ онъ былъ. Если же кому-либо кажется нелѣпымъ сказанное о душѣ, т. е., что тѣло имѣетъ значеніе вида по отношенію къ матеріи, то мы вѣдь и не предполагаемъ, какъ они мудрствуютъ, что виды отдѣлимы (отъ матеріи), а утверждаемъ, что по своей собственной природѣ виды неотдѣлимы отъ подлежащаго субстрата — *ὑποκειμένου*) и только разсудкомъ различаются. А силою Бога, извѣднаго
69 (в.).

ихъ изъ небытія, они, конечно, могутъ быть отдѣлены. Такъ, напримѣръ, созданный какъ таковой и возникшій прежде солнца изначальный свѣтъ мы познали, какъ видъ солнца. И мы увѣровали, что впоследствии, вновь отдѣленный отъ своей огневидной сущности, онъ станетъ удѣломъ для блаженныхъ въ будущей жизни. Что же тогда удивительнаго въ предположеніи, что и душа, сотворенная изначально вмѣстѣ съ подлежащимъ, имѣетъ значеніе вида, какъ и свѣтъ въ солнцѣ. И если она кажется кому-либо многочастной послѣ своего паденія ради притяженія къ тѣлу, то впоследствии отдѣленная, она опять соединится съ тѣломъ и станетъ единовидной и облечется въ соответствующее ей тѣло. Это, я думаю, и было скрыто отъ эллинскихъ мудрецовъ и привело къ невѣднію, тѣмѣ и заблужденію въ ихъ разсужденіяхъ о душѣ. Не познавшіе Бога въ своемъ разсмотрѣніи законовъ цѣлаго и въ исканіи повсюду одного природнаго, поскольку они стоятъ за неотдѣлимость видовъ, они утверждаютъ, что душа совершенно неотдѣлима (отъ тѣла), но одновременно со смертію разрѣшается въ небытіе; иные, исходя изъ отдѣлимости и самобытности другихъ видовъ, соглас-
70 (г.).

ны, что душа безсмертна и совсѣмъ (во всемъ) подобна у безсловесныхъ и словесныхъ. Мы же въ томъ, что касается души безсловеснаго (существа), довольствуемся сказаннымъ въ Писаніи, что душа всякаго животнаго — это его кровь. Этими мы хотимъ показать, что въ каждомъ животномъ его прирожденная сила, движущая имъ, называется въ Писаніи кровью потому можетъ быть, что этой влаги особенно мно-

го и въ силу того она распространена во всеѣ тѣлѣ. Это и есть душа животнаго и въ то же время она устанавливаетъ движеніе; движеніе прекращается, п. ч. ничего больше не остается, кромѣ мертвато тѣла. А словесная и умная душа, сотворенная по образу Божию и отдѣленная отъ собственнаго вещества, — я говорю о тѣлѣ, — остается ни въ чемъ не умаленной; но и отдѣленная отъ тѣла пребываетъ съ нимъ сопряженной. Она и стремится къ собственному тѣлу и воспринимаетъ присущій ей образъ жизни (т. е. безтѣлесный). Точно такъ же, какъ и тѣло, разложимое на составляющія его стихіи (scil. — раздѣленное на свои составы), ожидаетъ подобающаго времени, когда оно соприкоснется съ душой. Но, вотъ, говорятъ, что теперь душа живетъ сама по себѣ, никакъ не нуждаясь въ тѣлѣ. Что же препятствуетъ ей и въ будущемъ быть такой же? За чѣмъ же такой грузъ и бремя ей, которой

70 (v.)

было необходимо самой стать легче, чѣмъ она была и придти тогда къ устойчивости, и это чрезъ уничтоженіе тѣхъ веществъ, въ которыя она, при посредствѣ тѣла, выдѣлила свои энергіи. Что касается ненужности тѣла, на это мы отвѣтимъ ниже; а въ томъ, что (душа умершаго) теперь легче и удалена отъ тяжести тѣла, мы не совсѣмъ согласимся. Въ самомъ дѣлѣ, она разрѣшилась отъ тѣла, и освободилась отъ тѣлесныхъ страстей, но не отъ естественнаго съ нимъ сопряженія, и, улетаая, все еще устремляетъ взоръ къ своей обители. И даже если она освобождена отъ того, изъ чего она сложена, — я говорю о стихіяхъ (составныхъ элементахъ) — и изъ чего бы только ни была составлена, нѣкая неизреченная связь пронизываетъ ихъ посредніѣ, приводя душу въ соприкосновеніе съ ея собственнымъ тѣломъ и данными ей въ удѣлъ стихіями, которыми она снова его окружить. И тогда умѣстно будетъ намъ вспомнить слова божественнаго Павла о брошенномъ въ землю сѣмени. Выросшая трава находится въ промежуткѣ времени, отдѣляющемъ истлѣвшее сѣмя отъ созрѣванія налившагося въ будущемъ зерна; и она остается связующимъ звеномъ между обоими состояніями (злака), пока не обновитъ сгнившее и не явитъ его затѣмъ снова болѣе яркимъ. Приведенное соотношеніе и связь души съ тѣломъ содержитъ въ себѣ тотъ же смыслъ (логосъ), кромѣ того, что въ приведенномъ тамъ примѣрѣ оба предѣла (начало и конецъ созрѣва-

71 (r.).

нія) доступны чувственному воспріятію (resp. — чувственны) — начало естественнаго роста и то, къ чему злакъ стремится въ своихъ промежуточныхъ состояніяхъ, которыя, вѣдь, внѣ всякаго сомнѣнія, чувственны: корни, стебель и окружающая его зелень, потомъ колосья, ость, и въ нихъ, такимъ образомъ постепенно созрѣвающее зерно. А здѣсь, т. к. одинъ изъ предѣловъ сверхчувствененъ — существующая сама по себѣ душа (т. е. то, что существуетъ само по себѣ) — она въ свое время создастъ себѣ новое тѣло. И связь между ними несомнѣнно сверхъестественная и умопостигаемая, п. ч., не видя ни самой души, ни ея связи съ тѣломъ, мы полагаемъ, что душа совсѣмъ отдѣлена отъ него, но, опять-таки, не видимъ и самаго тѣла, которое вскорѣ распадается на тѣ части, изъ которыхъ оно составлено. А съ дру-

гой стороны, о томъ, что душа, существуя сама по себѣ и какимъ-то образомъ связанная съ тѣломъ, снова возвращается къ своей обители, свидѣтельствуя души святыхъ, которые послѣ смерти являются въ своихъ тѣлахъ и, дѣйствуя въ нихъ, сильно удивляютъ достойныхъ. Если же и магнитный камень таинственной силой природы притягиваетъ желѣзо и, притомъ, такъ мѣняется природа явленія, что ихъ взаимоотношеніе, будучи невидимымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводитъ въ соприкосновеніе крайнія точки и соединяетъ ихъ одну съ другой, то что страннаго въ нашемъ предположеніи (если мы предполагаемъ), что душа, существующая въ себѣ, притягиваетъ къ себѣ тѣло и все-

71 (v).

ляется, пока, утончивъ и очистивъ, она не покажетъ его соотвѣтственнымъ себѣ и (тогда) облечется въ родственное (ей тѣло). Но, какъ можно замѣтить, допустимо и другое соображеніе: душа, послѣ грѣха и преступленія болѣе связанная съ тѣломъ, отъ него еще больше разнится (отличается); т. к. тѣло стало дебелимъ, землевиднымъ и попало безчисленному множеству страстей, душа, вынужденная претерпѣвать это вмѣстѣ, съ тѣломъ ниспадаетъ изъ собственнаго достоинства, одевается и замутняетъ свое духовное око (зрѣніе). И поскольку душа заботится о тѣлѣ, постольку она сама отчуждаетъ тѣло отъ его собственнаго достоинства. Но, разсудочной способностью освобождаясь отъ тѣлеснаго и обращаясь (взирая) на свойственное ей — т. е. на то, что мудрецами опредѣляется, какъ упражненіе въ смерти, она и тѣло утончаетъ и отдѣляетъ его отъ страстей, кромѣ (за исключеніемъ) тѣхъ, что необходимы для пропитанія и прикрытія (т. е. одежды), не служатъ къ вожделѣнію (похоти) — и свободны отъ похоти; душа, промышляя о плоти, за нею вновь низвергается долу и поступаетъ своимъ величіемъ. Когда же придетъ смерть, душа, отложивъ естественныя узы, станетъ свободной и болѣе стойкой противъ этихъ притяженій, а тѣло болѣе невѣсомымъ и ему легче слѣдовать за нею. Оно, стало быть, не имѣетъ больше того, чѣмъ бы оно могло сопротивляться влеченію (души) въ возбужденіи и наслажденіи, по-

72 (г).

тому что они больше не въ состояніи соединиться; по отдаленіи души тѣло распадается на свои составныя части: оно раздѣляется въ своемъ веществѣ и распадается въ своемъ составѣ — тогда какъ въ самомъ логосѣ оно пребываетъ въ несложности (простотѣ). И приходя къ своему виду, т. е. къ простымъ и первичнымъ тѣлеснымъ составамъ (scil. элементамъ), оно находится въ еще болѣе свойственныхъ и сродныхъ отношеніяхъ съ душой, съ которой оно было соединено разъ навсегда. А въ свое время доведенное до совершенства и какъ бы пришедшее въ зрѣлое состояніе, согласно приведенному выше образу пшеницы, тѣло, болѣе свѣтлое и прозрачное, вновь сростается со своею душой, какъ ему и положено, чтобы согласованъ былъ тотъ же самый (человѣкъ), который будетъ тогда созданъ по образу Божьему, и ни въ одной своей части не остался бы ущербленнымъ, ибо, конечно, въ этомъ смыслѣ самаго творенія и къ этому оно призвано. Очевидно, что по исчезновеніи составовъ, первичныя тѣла (элементы) будутъ измѣне-

ны изъ тлѣнія въ нетлѣніе и будутъ соответствовать будущему образу бытія, которому чего-то не хватало бы, если бы тѣла не воскресали, ибо новое небо и новая земля, согласно Писанію, требуютъ и новыхъ тѣлъ ³⁾, ради которыхъ мы изначально и были созданы.

72 (v.).

Но, — встаетъ вопросъ, — что изъ членовъ и частей (этого тѣла) намъ когда-нибудь будетъ нужно? И развѣ не неразумно было бы привязать и всадить (въ насъ) совершенно не нужное намъ. На это мы отвѣчаемъ: если бы мы увидѣли, что все въ твореніи служить намъ для нѣкоей пользы и зная, конечно, что ради насъ созданъ Богомъ міръ возможно, мы естественно ужаснулись бы, что эти члены, ставъ ненужными, будутъ въ противорѣчій съ этимъ утвержденіемъ. Теперь же мы знаемъ, что большинство созданий по собственному своему назначенію (логосу) и для полноты цѣлаго хороши и полезны, а для насъ либо малымъ чѣмъ, либо никакъ не служатъ: они нужны не для чего иного, какъ для славословія и почитанія Создателя Бога, а тогда, конечно, и эти члены будутъ хороши. Напримѣръ, хотя красота солнца и бесполезна, но ты ею восторгаешься, и (безполезно) благообразіе тѣла, но ты имъ любуешься. Съ другой стороны, думая, что и то и другое служить тѣламъ, — и солнечное сіяніе, и соответственность и соразмѣрность членовъ, которыми опредѣляется красота, развѣ ты этому не дивишься, не радуешься и не воспѣваешь Зиждителя? И если ты не пользуешься ртомъ для питанія, а руками не двигаешь для перенесенія нужныхъ (предметовъ), ногами не будешь дѣйствовать въ ходьбѣ, то ты подумаешь, что терпишь ужасныя испытанія и понесешь чрезмѣрное

73 (r.).

бремя? Скажи мнѣ лучше, восхищался-ли ты когда-нибудь сіяніемъ солнца и его красотой? Такимъ образомъ, взирая на шарообразное и вращающееся тѣло (солнца) или на противоположащіе члены и на столь прекрасное расположеніе ихъ, и Давидъ на томъ же основаніи восхваляетъ солнце, уподобляя его жениху и исполину ⁴⁾, по благолѣпію и силѣ превосходящему то, что можно было бы выразить. Такъ и наше тѣло само по себѣ и красота его для многихъ послужили поводомъ къ славословію Божію. И тогда, при чистомъ сужденіи о красотѣ, когда увянутъ (и иссушатся) неумѣстныя страсти, никто бы не смогъ не удивляться Творцу (восхищаться Творцомъ) при красотѣ зримаго. Если же надо примкнуть къ тѣмъ, кто высказываетъ (свое мнѣніе) исключительно на основаніи своихъ собственныхъ разсужденій, то, слѣдовательно, совсѣмъ не зря будутъ существовать энергіи органовъ чувствъ. Мы пользуемся глазами для созерцанія самихъ себя и Божественной красоты, которая будетъ для насъ вмѣсто всякой пищи, т. к. говоритъ (Давидъ): «я насышусь, когда явится мнѣ слава Твоя» ⁵⁾. Уши же воспринимаютъ Божественный гласъ и радость, какъ и сказано: «дай

73 (v.).

мнѣ услышать радость и веселіе» ⁶⁾. Такъ какъ, вкушая устами, мы познаемъ, что «Господь благъ» ⁷⁾, то, конечно, и въ будущемъ (scil. тогда) мы будемъ обонять духовное муръ Истошившаго Себя ради насъ. И если ты требуешь отъ языка свойственнаго ему дѣйствія, (то сказа-

но): «гласъ празднующихъ тамъ»⁸⁾ и «гласъ радости въ жилищахъ праведныхъ»⁹⁾; а осязаніе воплощеннаго Слова вмѣстѣ съ трудолюбивымъ ученикомъ Его¹⁰⁾ и познаніе (лицезрѣніе) язвъ (Господа) открываютъ смыслъ (логосы) воплощенія и страданія. Утроба же и извѣстные въ ней органы (пищеваренія) будутъ принимать и усваивать пищу, исходящую отъ Слова. Ибо, когда все тѣло, согласно божественному апостолу, сдѣлалось духовнымъ¹¹⁾, то, слѣдовательно, и члены его будутъ духовны и духовными энергіями будутъ обслуживаться. И тогда прекрасное тѣло, придя въ такое состояніе, ни въ коемъ случаѣ не будетъ бесполезнымъ. Это все говорилось на основаніи разсужденій.

Если же надо прибавить и доводы отъ вѣры (то вотъ они): — зная, что одинъ и тотъ же Творецъ и Промыслитель всего существующаго и что промышленіе Его всегда сугубо: для насъ самихъ здраво мудрствующихъ о всемъ мірѣ, какъ училищѣ добродѣтели и благочестія, оно во всемъ (дѣйствуетъ), а также водительство къ утѣшенію тѣла; усматривая также промышленіе въ состраданіи души тѣлу и въ ихъ взаимообщеніи въ страданіяхъ, — развѣ мы не скажемъ, что и

74 (г.).

въ будущемъ они будутъ существовать и вмѣстѣ услаждаться истиннымъ воздаяніемъ за прожитое. Ибо не случайно и не напрасно этотъ видимый міръ созданъ, какъ говорится, для общей пользы и не такимъ было бы промышленіе объ обѣихъ частяхъ (человѣческаго существа), если весь міръ не долженъ былъ бы, измѣненный, пребывать вѣчно: конечно, душа и тѣло будутъ жить въ этихъ измѣненныхъ условіяхъ и ими пользоваться. Но разумъ будетъ различать природу огня. Такъ, на примѣръ, праведникамъ огонь будетъ данъ въ удѣлъ, какъ свѣтъ, а грѣшникамъ, какъ горѣніе для ощущенія болѣе страшной муки, какъ и сказано Давидомъ: «гласъ Господа, пресѣкающаго пламень огня»¹²⁾. Какъ это могло бы случиться, если не будутъ подлинно существовать (если тѣла не суть субстраты) тѣла, которыми будетъ обладать тотъ огонь; тѣла, конечно, несвѣтящіяся и мрачныя и этимъ только отличающіяся отъ тѣлъ святыхъ. Я думаю, что не только вѣроу и вѣроятными доводами, но и всей необходимостью смыслъ воскресенія доказанъ тѣмъ, кто не желаютъ вѣрить очевидности и опыту, но желаютъ убѣждаться и доводами разума. Если же они выдвинутъ какой-либо доводъ и отъ Писанія, дабы доказать, что я пренебрегаю многочисленными и ясными словами Спасителя, пусть встанетъ вели-

74 (в.).

ликій Павелъ, говорящій, что опроверженіемъ всего таинства (спасенія) и вѣроотступничествомъ является невѣріе въ воскресеніе: «Если, — говоритъ онъ, — мертвые не возстаютъ, то не возсталъ и Христосъ, если же Христосъ не возсталъ, то тщетна проповѣдь наша, тщетна и вѣра наша» (sic)¹³⁾. Пусть предстанутъ и семь отроковъ Ефесскихъ, которые, какъ показываетъ изслѣдованіе о нихъ, возстали много лѣтъ спустя послѣ смерти. И кто же не знаетъ, что еще раньше этого, восхищеніе Ілии въ огнѣ и преложеніе Еноха (на небо) являются символомъ воскресенія. (Всѣ) они пребываютъ до дня воскресенія со сво-

ими нетлѣнными тѣлами. Такъ это свыше и отъ начала предначертано. И съ тѣхъ поръ, какъ смерть проникла въ наше естество, опредѣленіе (догмать), повелѣніе о воскресеніи соприсутствуетъ всему протяженію времени. И это, полагаю я, согласно с разумомъ. Въ этомъ (вижу я) и всѣ преимущества: 1) чтобы мы, не имѣя надежды на будущую жизнь и отклонившись отъ красоты и добродѣтели, не позволили себѣ впасть въ наслажденіе; 2) чтобы мы напередъ не отказывались отъ тяготъ, данныхъ въ удѣлъ этой жизни; 3) но, зная, что насъ иная нѣкая и лучшая ожидаетъ участь и, что настоящее состояніе жизни имѣ-

75 (г.).

еть смыслъ состязанія въ бѣгствѣ (изъ этого міра), мы взираемъ на прекрасное будущее. Будемъ же, какъ нужно, переносить настоящія тяготы, чтобы тамъ воспринять вѣнцы, обогатиться нескудбующимъ богатствомъ и непремѣнно вселиться (въ небесныя скиніи), поскольку, какъ сказано, намъ дано время для вышеизложеннаго. Создавшій же насъ Богъ, Который ради насъ все отъ начала до конца промыслилъ, да подастъ намъ съ будущими благами и съ наслажденіемъ Его созерцаніемъ (еще) и познаніе таинства болѣе очевидное и достовѣрное, чтобы мы, обладая внутренней (изнутри исходящей) вѣрой, не нуждались во внѣшнихъ разсужденіяхъ для раскрытія истины. Ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) De fid. orth. I. I, cap. 2, — MPG. t. 94, col. 792; 3 — col. 796, 4 — col. 797, 8 — col. 808, 813; 9 — col. 833; 13 — col. 852; lib. II, 12 — col. 920.

2) Быт. II, 15, (въ подлинникѣ «*αὐτόν* безъ члена»), ср. II, 7 и I, 27.

3) 2 Петр. III, 13.

4) Пс. XIX, 6.

5) Пс. XVI, 15.

6) Пс. I, 10.

7) Пс. XXXIII, 9.

8) Пс. XLI, 5.

9) Пс. CXVII, 15.

10) Ср. Дѣян. Ап. XVII, 27: «дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его — *ἐρελάψασιν αὐτόν*. — И 1 Юанна I, 1 «что осязали (*ἐφελάψασαν*) руки наши».

11) 1 Кор. XV, 44.

12) Пс. XXVIII, 7.

13) 1 Кор. XV, 14.